

- как наиболее фундаментальный по глубине раскрытия проблем и широте охвата источников. Ученый использовал материалы значительных работ дореволюционных авторов: Е.Д. Филицина, И.Д. Попко, П.П. Короленко, В. Толстого и др.
2. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар. 1990; Астапенко М. История казачества России. Ростов-на-Дону., 1998. В 5 книгах; Футорянский Л.И. Казачество России в огне гражданской войны (1918 – 1920 гг.). Оренбург. 2003. Трут В.П. Казачество России в период Первой мировой войны. Ростов-на-Дону., 1998. Он же. Казачий излом. Ростов-на-Дону, 1996; Он же. Казачество России в период Октябрьской революции и на начальном этапе гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2005 и др.
 3. Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики. Краснодар, 1989; Рассказов Л.П., Ратушняк В.Н., Астапенко П.И. и др. Кубанская область и казачество. Краснодар, 2005.
 4. Астапенко М. Казачество России. Ростов-на-Дону, 1998.
 5. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Краснодар, 1910. Т 2.
 6. Казачество. Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова. М., 2003. С. 365. Астапенко М. Указ. соч. С. 269.
 7. Листок войны, 1917 г., с 28 сентября по 5 октября. В них опубликованы Протоколы заседаний Краевой рады и Правительства Кубани.
 8. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Краснодар, 1910.
 9. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1990.
 10. Зправление казаков: история и современность. Ростов-на-Дону, 1998 и др.
 11. Ратушняк В.Н., Ивченко И.Н. Кубанская казачья община и возможность исследования ее исторического опыта // Проблемы казачьего возрождения: Сб. науч. статей. Ростов-на-Дону, 1996 и др.
 12. Антология памятников права народов Кавказа. Ростов-на-Дону, 2009 – 2012; Т. 1 – 9. Сергеев В.Н., Звездова Н.В. Возрождение казачьего круга на юге России в начале XX в. М., 2010. С. 12 – 55.
 13. Казачество. Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова. М., 2003.
 14. Сергеев В.Н., Звездова Н.В. Возрождение казачьего круга на Юге России в начале XX в. М., 2010.
 15. Сенцов А.А. Рождение Кубано-Черноморской республики (1917 – 1918 гг.). Краснодар. 1984.
 16. Кубань и казачество (конец XVIII – 1920 г.). Историко-правовое исследование. Краснодар, 2005.
 17. Кубанская область и казачество. Краснодар. 2005.
 18. Весомый вклад в это внесли изданные недавно 10 томов «Антологии памятников права народов Кавказа». Ростов-на-Дону, 2009 – 2012.
 19. Остапенко П.И. Правоохранительная система Кубанского края. 1918 – 1920 гг. Краснодар, 1993.
 20. Рассказов Л.П., Ратушняк В.Н., Остапенко П.И. Кубань и казачество (конец XVIII – 1920 г.). Историко-правовое исследование. Краснодар, 2003.
 21. Зайцев А.А. Крушение мелкобуржуазных иллюзий на Кубани и Черноморье (1917 – 1920 гг.). Краснодар. 1990.

УДК 340.15:349.4

Небрятенко Г. Г.,
Небрятенко О. О.

ОБЫЧНОЕ ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО ДОНСКИХ КАЗАКОВ

Обычное право донских казаков в XVI-XIX в. проникало во многие сферы регулирования общественных отношений, при этом не являлись исключением поземельные отношения. Они возникали и строились сообразно господствовавшему социально-экономическому укладу и политической обстановке, отражали реалии глубинных процессов, характеризовавших всю социальную систему донского казачества. Основным источником регулирования поземельных отношений в XVI-XVIII вв. выступал обычай, а также прецедент как средство разрешения казусов. В XVIII-XIX вв. получил развитие нормативный правовой акт, применение которого осуществлялось российским правительством.

The Don Cossaks' customary law in the XVI-XIX centuries spread into many spheres of the intercourse regulation, whereas the land relations weren't an exception. They appeared and developed according to the dominant socio-economic structure and political environment and reflected the reality of the underlying processes that characterized the entire social system of the Don Cossaks. The main source of the land relations regulation in the XVI-XVIII centuries was a custom as well as a precedent as a means of resolving incidents. In the XVIII-XIX centuries a normative legal act developed, the use of which was carried out by the Russian government.

Ключевые слова: Поземельные отношения, обычное право, земельное право, обычай, прецедент, донские казаки, традиционное общество.

Keywords: Land relations, customary law, land law, custom, precedent, Don Cossaks, traditional society.

Право собственности казачества на донские земли формировалось более 400 лет (в XVI – начале XX вв.), трансформируясь под влиянием различных социально-экономических и политических факторов. Обычным правом единственно закреплялась общественная собственность на земли. Данное положение имело идеологическое обоснование, заключавшееся в предании, согласно которому донская земля добыта силой оружия и освоена многими поколениями донцов, она передавалась казачьему потомству по традиции, т.е. по наследству. Общественная собственность классифицировалась на войсковые и станичные земли. Даже имевшая место на Дону в конце XVII – XVIII вв. официальная раздача земель в пользование войсковых старшин и домовитых казаков не влекла за собою передачу права собственности, а только правомочие пользования и отчасти распоряжения. Такие земли в любое время могли быть изъяты Войском Донским, т.е. являлись войсковою землею, находившейся в частном пользовании, причем с возможностью передачи правомочий по наследству. По тому же принципу с XVIII в. осуществлялось распространение правомочия пользования рядовых казаков-станичников, которые в пределах станичных юртов (земель) с разрешения «местного общества» осваивали в личных интересах различные природные ресурсы, но никогда не становились их частными собственниками. Причем в пределах станичных юртов на основе станичного права периодически осуществлялось перераспределение земельного фонда.

Порядок перехода правомочия пользования на отдельные участки земли, а равно водные, лесные и иные природные ресурсы не был постоянным. В различные периоды присвоение осуществлялось следующими способами: на основе «вольной заимки» (XVI – первая половина XVIII вв.); по «приговору» Войскового круга (XVII – начало XVIII вв.); по «приговору» войскового атамана со старшинами, при нем находящимися, Войсковою кан-

целярии или Войскового гражданского правительствa (XVIII в.). Одновременно с этим в XVIII в. российское законодательство стало проникать в поземельные отношения, нивелируя роль «юртового права», т.е. обычного земельного права казаков. Как справедливо отмечает профессор Т.В. Шатковская, «в рамках функционирования обычно-правовой системы наблюдается феномен одновременного действия установившегося и возникающего права» [1, с. 34].

Замена народных обычаев нормативными правовыми актами Российского государства была необходима, т.к. после перехода от народного правления казачества (демократии) к аристократическому способу властвования обычное право не могло препятствовать корыстным устремлениям войскового атамана и старшины. Отсутствие позитивных предписаний в XVIII в. вылилось в беззаконие, однако вмешательству правительства в «донские дела» мешала внутренняя автономия казачества, тщательно чтимая войсковою старшиной – «донскими чиновниками», которые к началу XIX в. полностью присвоили себе право выступать от имени «войскового сословия». Олигархическое правление войскового атамана и старшин повлекло за собою резкое уменьшение войсковых земель, а также утеснение станичных юртов.

Рассмотрим способы перехода правомочия пользования на отдельные участки земли, а равно водные, лесные и иные природные ресурсы, на них расположенные, применявшиеся в обычном праве. Первый из ранее названных – «вольная заимка». Она представляет собой древний казачий обычай свободного присвоения различных природных ресурсов как ничьих, осуществлявшийся в условиях отсутствия публичной власти, законов и налогов. Такая заимка появилась еще до образования Войска Донского, когда каждый мог свободно занимать земли, присваивать природные ресурсы (охотиться, рыбачить, рубить

лес), основывать временные становища и городки, заниматься любыми «промыслами», в том числе военным (последний мало чем отличался от разбоя).

До XVI в. Донской край являлся частью бывшей Золотой орды, но по объективным причинам к приходу «казаков-заимщиков» оказался пустынным, не имея оседлого населения до устья Дона, вплоть до южной границы с Московским царством. Только в некоторых местах размещались временные казачьи становища, причем их этнический состав включал великороссов и малороссов, а также татар (ногайцев). Освоив «Дикое поле», казаки не дали сделать этого ни азовским туркам, ни крымским татарам, ни ногайцам, фактически являвшимся наследниками Донского края после распада Золотой орды. Русский язык и православная вера указывают на то, что основу казачества составляли русские люди (в широком смысле), но, кроме них, на Дон стекались татары, поляки, греки, румыны, молдаване, черкесы и представители других национальностей [2].

В то же время в донской истории бытует предание о существовании царской грамоты Ивана Грозного, в которой он, желая отметить подвиги донцов при покорении Казанского ханства в 1552 г., «...реку оную пожаловал и утвердить изволил, с тем, что кто дерзнет сих донских казаков с мест их сбивать, тот будет проклят во веке веков...» [3, с.19]. «С этой грамоты во все станицы Войска Донского направлены “для сведения казацкого” списки, которые читались... при собрании казаков в Кругу в день Покрова Пресвятой Богородицы. Петр I в бытность свою в Черкаске в 1709 г., после окончания “Булавинского бунта”, подлинную грамоту у Войска отобрал под предлогом замены ее новою, списки же с нее по станицам были уничтожены уже последующими администраторами в конце XVIII или начале XIX в.» [4, с. 227]. В то же время пожалование казакам земель на Нижнем Дону само по себе является фикцией, если оно имело место, т.к. закрепляло уже свершившийся факт (пожаловать можно то, чем обладаешь сам). Отсутствие более достоверных сведений о существовании данного нормативного акта позволяет отнести его к разряду «псевдограмот» [5, с. 14].

В XVI в. вольная заимка являлась единственным способом приобретения права собственности на землю, осуществляясь ка-

зачьими ватагами и сумами, приводя к постоянному и временному использованию тех или иных ресурсов в пределах Войска Донского. Например, казаки низовых городков, расположенных ближе к устью Дона, малыми ватагами и большими (не более сотни человек) охотились зимою в задонских ногайских степях (на юге края) и на реке Медведице (на севере), где были лучшие звериные промыслы. Таких ватаг, состоявших из «гулебщиков» (охотников), ежегодно с октября до ранней весны набиралось более десяти. Остальные же казаки зимою, когда «война с басурманами» прекращалась, охотились и рыбачили близ своих городков [6, с. 97]. Подобная практика была постоянной, основываясь на сложившихся обычаях, не предусматривавших до середины XVII в. необходимости установления границ «юртового довольствия» (земельных участков, использовавшихся казачьими общинами). Таким образом, вольная заимка в данный период заключалась в свободном присвоении пустопорожных земель Нижнего Дона и их общественном использовании казаками.

В то же время с генезисом Войска Донского как протогосударства (не позднее 1570 г.) вольная заимка изменила свое нормативное содержание, перестав быть вольной в прежнем смысле, т.к. были созданы условия для формирования нового способа присвоения права собственности над землями – «по приговору» Войскового круга. Однако этот способ получил распространение уже в следующем столетии, существуя параллельно с заимкой. Хотя казачьи земли, в т.ч. уже освоенные, а также остававшиеся неиспользуемыми, стали войсковой собственностью, владение, распоряжение и пользование ими перешло к компетенции Войскового круга. Защита основываемых городков от нападений «басурман» была задачей, непосильной для отдельных общин, поэтому передача права собственности на земли, которые использовались отдельными общинами, Войску Донскому де-факто стало платой за общественную безопасность. Но это не заботило казаков, которые по-прежнему на территории края делали все, что им заблагорассудится.

Земли, занимаемые городками, оставались в пользовании местных казачьих общин, которые могли переселиться на новое место, в т.ч. за пределы Войска Донского, тем самым раздвинув его пределы. Впрочем, Войсковой круг выносил приговоры, обязательные для исполнения всеми городками, под «страхом

лишения юрта, суда и расправы». Круг мог установить на определенной территории статус «заказника», оберегая рыбу, зверей, лесные ресурсы, сенокосные травы. Однако, до середины XVII в. ограничения вольной заимки без особой надобности не вводились, земли было много, и утеснений в ней не наблюдалось. Поэтому для создания нового городка было достаточно «испросить» разрешение Войскового круга. Появление новых поселений умножало людские ресурсы края, а значит, и мощь Войска Донского, поэтому Круг соглашался с просьбами заимщиков, но при этом увещевал, чтобы казаки не считали землю своей собственностью и никому ее не передавали.

Между тем во второй половине XVII в. отношение к вольной заимке стало меняться. Это было связано с возрастанием численности населения Войска Донского как за счет распространения «семейной жизни», так и по причине миграции в край пришлого элемента. Но главное – вследствие того, что казаки в военных нападениях на неприятеля, приносивших основную часть средств к существованию, стали отдавать предпочтение сухопутным «поискам» (в предыдущие годы водным), что неизбежно привело к развитию коневодства. «...Коня все труднее становилось добывать набегами, а вернее и надежнее было разводить его в своих юртах. Для прокорма табунов лошадей необходимо было иметь пастбища и сенокосные места, которые были бы постоянно в распоряжении только известного городка и давали возможность жителям обеспечить кроме летнего и зимнее содержание их табунов» [7, с. 54]. Развитие коневодства, а также сопутствовавшего ему животноводства вызвало потребность в установлении границ юртового довольствия, и в результате стал складываться более сложный порядок раздачи земель.

Он начинался поиском пригодного места (можно было испрашивать пустопорожний юрт, ранее оставленный казаками по какой-либо причине), продолжался словесным челобитием (обращением) казака-заимщика в Войсковой круг, получением от него положительного решения и оформлением войсковой заимной грамотой. Например, известна грамота, выданная в 1681 г. казаку Кагальничкого городка Михаилу Иванову «сотоварищами», на занятие Гундоровского юрта [7, с. 55]. Заимщики, просившие юрт, мотивировали свое желание просто: «обыскали место

для устройства городка», хотим «поселиться, чтобы прокормиться» или «жить, как иные городки живут». Важным условием являлась необходимость «собрать станицу» из «старых казаков» или из «пришельцев из других мест», при этом количество станичников специально не оговаривалось, т.к. действовал принцип «селись сколько угодно». Существенным доводом являлось желание эффективно использовать «испрашиваемый юрт», например, строительство база (огороженного пространства), построек для людей, для скота и хранения сена, для продуктов и инвентаря.

В обязанности заимщиков входило не только образование «испрошенного» городка, но и разграничение его юртового довольствия, производившееся самостоятельно с согласия соседних городков (если они имелись). С учетом этого составлялась запись межевых знаков, представлявшаяся в Черкасск, и на ее основе выписывалась войсковая разводная грамота, подтверждавшая право новообразованного городка на юрт. При этом разграничению подвергались только самые удобные места (озера, леса, луга, находящиеся при берегах рек, и прилегающие земли), а отдаленные участки могли находиться в совместном использовании, если это не приносило зримых неудобств. Границы юртов были означены природными и историческими знаками: курганами, урочищами, ярами, реками, озерами, растительностью или другими особенностями местной природы, и только при разделении лесов делались грани на отдельных деревьях. Однако часто случалось, что такие границы через некоторое время уничтожались, и от этого происходили между городками споры. В таких случаях «тяжущиеся» искали правосудие в Войсковом круге [8, с. 412].

Появившаяся практика установления границ юртового довольствия привела к нарушению права казаков на свободное использование земли, воды и иных ресурсов, расположенных на территории Войска Донского. Это право сохранялось лишь на пустопорожних не запрещенных к использованию участках, находившихся вне пределов станичных юртов. Войсковой круг постановил «развести рубежи станицам меж собою полюбовно, с совету и жить бесспорно, одной у другой рыбы не ловить, сенные покосы не окашивать, всякие уголья не обивать и не оттолачивать, охоту по степям не ходить, капкан и тенет не метать и никакого промысла не чинить» [9, с. 144 – 145]. Далее Войсковой круг постано-

вил: «...в тех же местах, где оные казаки поселены и угодыя им отведены будут, в реках, в речках и в озерах рыбу ловить безвозмездно, и никаким откупам у них не быть, как в старых казацких городках». Таким образом, по-прежнему воспрещалась передача природных ресурсов в возмездное пользование. Общественное же пользование юртом заключалось в ловле рыбы, охоте на зверей, сборе лесных ягод и плодов, «сенокосном довольствии», лесопорубке [7, с. 57]. Земледелие же еще не было распространено: как и прежде, зерновые покупались, изымались у неприятеля или безвозмездно принимались казаками в качестве царского пожалования.

В начале XVIII в. порядок землеотвода еще более усложнился. Казакам-заимщикам по их устным челобитьям в Войсковом круге выдавалась заимная грамота, в которой излагалось разрешение на беспрепятственное занятие пустопорожного участка земли, находящегося вне пределов соседних станиц, на то, чтобы собрать новую станицу и образовать поселение. В таких грамотах могло содержаться требование принимать «новопришлых с Руси людей под страхом войсковой пени» (наказания). Одновременно в соседние станицы направлялись войсковые грамоты с повелением развести довольствие по прибытию заимщиков. После исполнения этих требований станичники были обязаны повторно обратиться в «Главное войско», представив выбранных «разводчиков» (два и более человека), в обязанности которых входило отмежевание юрта новой станицы, определение его рубежей и выставление граней (межевых знаков).

Надо отметить, что к «разводчикам» предъявлялись особые морально-этические требования, т.к. «соседям» приходилось уповать на их совесть в вопросе «безобидного разграничения», и по этой причине их также называли «правдами». После согласования в Черкасске персон разводчиков последние сами «назначали» границы нового юрта, причем делалось это с особой торжественностью, с несением в руках образа Спаса, а иногда Спаса и Пречистой Богородицы в сопровождении многочисленных казаков. По окончании процессии «правды» делали «для крепости разводную запись разграничения» с целью недопущения в будущем тяжб и представляли ее на утверждение Войска Донского, после чего выдавалась уже войсковая разводная грамота.

Однако даже изложенная выше процедура не прекратила возникновения тяжб. Поэтому Войсковой круг стал требовать присутствия свидетелей из близлежащих станиц для фиксации справедливости разведения рубежей. Как показала практика, показания свидетелей в случае разбирательства являлись более достоверными. Численность таких лиц доходила до 25 и более человек, шаг за шагом обходящих границы вновь занимаемого юрта, указывая или даже делая вместе с разводчиками межевые знаки. К числу природных межевых знаков, стали добавляться искусственные. К ним относились земляные кресты, земляные «кургашки», каменные кучи и другие знаки (смотря по местности) [8, с. 57]. Причем из-за отсутствия необходимого количества свободной земли юртовое довольствие могло включать отделенные участки для покосов, звериных и рыбных промыслов или лесопорубки, расположенные в отдалении от станиц и даже другой части Войска Донского. В самих же городках негде было содержать лошадей и скот, хранить сено, а позже и в хуторах, в которых до середины XVIII в. не разрешалось постоянное проживание казаков.

Как видно из вышеизложенного, условия для осуществления заимки на территории Войска Донского еще более детализировались, вследствие чего она перестала быть неограниченной. Также можно было осваивать «рубежные земли», например, на границе с Запорожской Сечью. Однако высочайшими грамотами от 15 марта 1704 г. и от 28 февраля 1706 г. казакам запретили создавать городки и занимать «пустопорожные земли» без разрешения царского правительства и Войскового круга. Впрочем, последний в начале того же столетия перестал играть роль высшего органа власти казачества, уступив в этом войсковому атаману и собранию старшин. Тогда же царь ограничил права казаков на рубку леса на собственной территории, право свободной торговли [10, с. 139]. Но земля, как и другие природные ресурсы, по-прежнему оставалась в общественной собственности казачества. Это положение было утверждено царем Петром I, руководствовавшимся нормами Соборного Уложения 1649 г. Городки же стали именоваться станицами, по примеру приграничных поселений московского служивого казачества.

Теперь занятие юрта с надлежащим количеством пахотной и сенокосной земли осуществлялось только при образовании станиц,

целесообразность которого определялась государственными или региональными интересами, но не желанием казаков-заимщиков, как прежде. Впрочем, это положение не касалось передачи земель в частное пользование войсковых старшин, которые получали на то согласие донской администрации или делали это самозахватом, т.е. искажали в своих интересах обычай вольной заимки.

Ценность земли стала проявляться в активном использовании ее ресурсов посредством эксплуатации крестьянского труда. Для борьбы с этим явлением на Дону был учрежден институт «старшин по сыску беглых» (сыскных старшин). С появлением нововведения прекратились массовые самозхваты. В то же время раздача земельного фонда в частное пользование продолжала активно осуществляться по «приговору» войскового атамана со старшинами, при нем находящимися, затем Войсковой канцелярии и Войскового гражданского правительства. Заимка же свободных войсковых земель рядовыми казаками ушла в небытие, хотя встречалась в пределах станичных земель (до начала XX в.).

Между тем во второй половине XVIII в. сложился новый порядок образования станиц, особенностью которого было образование их за счет сокращения юртового довольствия соседних землепользователей и сбережения войсковых земель. После официального решения вопроса о создании станицы, об ее месторасположении и численности переселяемых семейств (из разных мест) в других станицах «сыскные старшины» организовывали «закличь» для желающих переехать на новое место. Затем составлялись списки таких лиц, которые направлялись в Войсковую канцелярию для их сведения в общий документ. Далее, в Черкасске назначали «нарочного старшину», которому вручалась войсковая грамота с предписанием выехать для организации поселения, предлагалось собрать атаманов и стариков соседних станиц и по согласованию с ними отвести место под новую. Требовалось начертать прямые просторные улицы, «чтобы от пожарного случая было безопасно», определить также место под церковь.

После организации поселения производилось отведение станичного юрта, включавшего земельные, лесные и водные угодья, если же для этого довольствия излишков соседних станиц оказывалось недостаточно, то разрешалось дополнять их свободной войсковой

землей. Отведенному таким образом юрту делалась «округа», т.е. проведение «граней» и постановка межевых знаков, определялось «на какое расстояние верст будет отведен» (от близлежащего знака). В дальнейшем Войсковой канцелярией посылались грамоты сыскным старшинам для организации переселения пожелавших на то семей из подведомственных станиц, причем каждая партия переселенцев возглавлялась выборным «походным есаулом». Для дальнейшего наблюдения за «порядочным и прямыми линиями» размещением мигрантов назначался один из переселяющихся старшин. Он же отвечал за то, чтобы прибывшие казаки избрали себе атамана, писаря и есаула из числа людей «безподозрительных и добропорядочных». По собранию всей станицы пахотные земли разделялись по жребью между отдельными семьями [7, с. 59 – 60]. Впрочем, пайи, равно как и рубежи юртового довольствия, не являлись раз и навсегда отведенными, и их расположение всегда могло быть изменено, исходя из местной практики регулирования поземельных отношений. В их дальнейшем развитии получил доминирующее значение факт освоение казачеством земледелия, ставшего основным их занятием в мирное время.

В результате нововведений казаки были прикреплены к станицам и стали вести исключительно оседлый образ жизни. Важным было то, что общественное землепользование не исключало возможности применения труда пленников и пришлых крестьян. Казаки стали принимать на поселение в свои дома по одному или несколько человек, платой за это становилось использование их в качестве «подпомочников». Особенно ценным труд крестьян становился в период нахождения казака-домовладельца на действительной военной службе. Между тем некоторые подпомочники в последующем верстались в казаки, а другие не меняли своего статуса, именуясь «приписными за станицей малороссиянами». Часть «пришельцев» богатела и с согласия станичного круга в заселенных юртах на ограниченный период времени получала участки пахотной земли и пастбища за откуп, но без передачи их по наследству. Станицы могли земельные, лесные, водные или иные участки распределять по паям между станичниками, передавать по очереди или же сдавать в аренду, направляя полученные деньги на общественные нужды или поделив между всеми поровну.

Рядовому казаку в пределах станицы правомочие пользования можно было приобрести «испрошением от общества» (обращением в станичное правление). Например, «отделившиеся самовольно от родителей или по бедности просили (на новоселье) у общества на домашнее обзаведение место под усадьбу или под виноградный сад, и если общество соглашалось дать, то составлялся документ за общими подписями. Выделенное место под строительство, виноградный сад заносилось в книгу и делалось собственностью казака» [11, с. 36]. Однако письменная регистрация прав казаков в станицах стала осуществляться только с конца XVIII в. (и то не во всех), причем не только в отношении земельных прав, но и лова рыбы.

У рыболовных станиц право на рыбную ловлю составляло как бы часть общинных прав юрта (право на общинные воды), оно было подчинено такой же общественно-уравнительной регламентации, как и пахотные земли. Лов рыбы на Дону, особенно в рыбных местах, велся с соблюдением очереди распределения береговых участков, называемых тонями. Ловить рыбу имел право каждый казак в пределах своего юрта, где воды не были сданы в аренду [11, с. 12]. Для вылова рыбы вне станичного юрта, к которому был приписан казак, в последней трети XVIII в. необходимо было получить от Войсковой канцелярии специальный билет – «пашпорт». В нем указывалось, в каких местах, какими орудиями можно производить лов рыбы [11, с. 37]. Однако это не помогало избежать браконьерства. Ведь оно далеко не всегда имело хищнические предпосылки, а являлось результатом недостатка рыбы в пределах собственных юртов. Часто случалось, что отведенные ресурсы не позволяли обеспечить надлежащий уровень жизни местного населения. Причинами этого являлись естественной прирост станичников, переселение малороссиян или казаков из других станиц, малая пригодность юртового довольствия (недостаток воды, обилие песка, камня, эрозия почвы, оползни), или его отдаленность от станицы (свыше 50 – 60 верст), или труднодоступность пути, серьезно усложнявшая передвижение до угодий и обратно (вследствие заболачивания или зыбучести грунта).

В своих рапортах в последней четверти XVIII в. станичники не уточняли требуемую потребность довольствия в численном выражении, а лишь уповали на недостаточность

пахотной земли для сбора зерновых или пастбищ, сенокосов, а также и другие неудобства. Поэтому размеры юртового довольствия, его местонахождение по ходатайствам казаков могло изменяться в сторону соответственно увеличения или замены отдельных участков для приближения к станицам или замены на более пригодные. Производилось это за счет уменьшения пустопорожних войсковых земель, особенно на Задонской (ногайской) стороне, при этом обязательным условием становилось организация «неоплошных караулов», предупреждающих об опасности нападения ногайцев и черкесов, «дабы от подбегу воровских людей скоту отгону, а людям пленения происходить не могло». Обычно удовлетворение рапортов региональным правительством осуществлялось без проверок содержащейся в просьбах информации, хотя бывали случаи направления старшин для ознакомления с содержанием и объемом возникших неудобств [7, с. 60 – 61].

В XIX в. станичная земля получила еще большую ценность. Один раз в несколько лет по жребию паи для казаков, вдов и сирот перераспределялись, для чего имеющие на них право лица тянули жребий (главы семейств). Исключение составляли лишь казаки, привлекаемые к работе в органах местного самоуправления или в качестве полицейских приказных и т.п., которые получали первоочередное право выбора земельных паев. Причем по желанию пайщика участки могли сдаваться в аренду. Соответственно отмена крепостного права изменила перечень источников регулирования поземельных отношений.

В завершение следует отметить, что с изменением источников регулирования поземельных отношений в XVIII в. были созданы условия для становления на Дону трех типов землепользования: помещичьего, казачьего и крестьянского. Естественно, обычное земельное право донских казаков применялось только в станицах и казачьих хуторах. В иных поселениях действовало российское законодательство, крепостное право (до его отмены), обычное крестьянское право.

Литература

1. Шатковская Т.В. Социальная реконструкция источников обычного права: опыт теоретико-эмпирического исследования // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. .

2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 789. Л. 42.
3. Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов-на-Дону, 1992.
4. Савельев В.П. Древняя история казачества. М., 2002.
5. Антология памятников права народов Северного Кавказа. Т. 7: Памятники права донского казачества. М., 2010.
6. Сухоруков В.Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях. Ростов-на-Дону, 2005.
7. Щелкунов З. Об устройстве казачьих поселений и об юртовых при них довольствиях // Сборник Областного Войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск, 1870. Вып. VII.
8. Сухоруков В. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001.
9. Тимощенко И.В. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Труды Областного Войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск, 1874. Вып. II.
10. Астапенко М.А. История донского казачества: Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 1999.
11. Астапенко Г.Д. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII – XX вв. Батайск, 2002.
12. Щелкунов С. Войско Донское при атамане Алексее Ивановиче Иловайском // Сборник Областного Войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск, 1910. Вып. 7.

УДК 340.15

Авакян Р.О.

ПАМЯТНИКИ АРМЯНСКОГО ПРАВА, ИХ ИСТОКИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ПРАВОМ ДРУГИХ НАРОДОВ

Настоящая статья относится к серии “Сокровищница армянской правовой мысли”.

В ней на основе древнейших историко-правовых документов и научных исследований, принадлежащих перу крупнейших ученых-востоковедов, дается картина развития армянской правовой мысли от “страны святых обрядов” Аратты, шумеро-аккадской, хеттской и араратской (урартской) цивилизаций, а также анализ памятников армянского права до конца XIX века и их взаимодействие с правом других народов.

This article refers to the series “The Treasury of the Armenian legal thought”.

On the basis of the ancient historical legal documents and scientific investigations of the world famous scientists-orientalists, this article depicts the development of Armenian legal thought from Arattah, “the country of saint rites”, from the civilization of the Sumer/Accadian, khettish and Araratian (urartian) as well as the analyses of the monuments of Armenian Law till the end of XIX century on their interaction with the Law of other nations.

Ключевые слова: истоки права, памятники права, Аратта, Шумер, Хайаса, армянородственные племена, Араратское царство (Урарту), Великая Армения, судебники, свод канонов (канонические законоположения), “Конституция” Арцаха, проект Конституции Армении 1773 года, Положения и Национальная “Конституция” армян XIX в.

Key words: Law background, monuments of Law, Arattah, Sumer, Hayas, Araratian Kingdom (Urartu), Great Armenia, code of Law, code of canons (canonical statutes), Artsakh constitution, draft of Armenian constitution of 1773, statutes and National Constitution of Armenians in XIX century.

Человечество, чтобы понять настоящее, всегда обращалось и будет обращаться к прошлому, к исторически апробированным культурным ценностям. И это не дань традиции, а естественная потребность каждого поколения. Если при этом взглянуть на ту или иную цивилизацию через призму истоков ее правовой мысли и памятников права, которые являются стержнем государственности и, как зеркало, отражают общественно-политическую и

социально-правовую жизнь любого народа, то закономерность человеческого развития предстанет перед нами более широко, реально и зримо. Что касается истории армянского государства и права, то она начинается еще за несколько тысячелетий до принятия нашими предками в начале IV в. христианства и восстановления письменности в начале V в. [1, 2], так как истоки армянской правовой мысли берут начало в глубокой древности. Об этом